

В. Л. Глазычев

ДРАМА РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Аннотация

Статья является сжатым изложением аналитического доклада, подготовленного автором по заказу фонда «Наследие Евразии» и опубликованного в 2004 году. В ее основе — обоснование необходимости отказа от устаревшего представления о том, что высшее образование способно сегодня готовить специалистов. В современных условиях оно должно быть переориентировано на выработку компетенций, позволяющих осваивать произвольное множество специализаций в ходе практики и дальнейшего дополнительного образования.

Основные предложения об улучшении системы образования изложены в виде следующих тезисов: лекционная модель передачи знаний утратила смысл; обмен профессурой должен стать стандартом работы вузов; семинарские занятия эффективны лишь при условии вовлечения старшекурсников в педагогическую практику; современный вуз не может существовать без наращивания исследовательского или экспериментально-внедренческого потенциала; путь к укреплению позиций университета лежит через решение проблем городов и регионов; обретая самостоятельность, вуз или университетский комплекс может разрабатывать и внедрять собственные системы методического контроля.

В каждом обществе система образования исполняет три важнейшие функции. Во-первых, она обучает нормам жизни в обществе и предоставляет первичные квалификации. Во-вторых, она формирует профессиональные элиты — те 3 или 5 % работников, которые преодолевают стереотипы, делают открытия и предлагают новые предпринимательские комбинации. Наконец, она «перемешивает» выходцев из разных слоев общества в соответствии с их склонностями и талантами и тем самым хотя бы отчасти создает условия «равного старта» для всех.

Россия удерживается в клубе развитых государств лишь благодаря рудиментам советской оборонной мощи и высокому уровню образования. Если оборонный фактор из-за недостатка инвестиций в течение прошедшего десятилетия действовал все слабее (и может еще более ослабнуть в ближайшем будущем), то воздействие нашей системы образования растет. Однако важнее другое — наше высшее образование перестало выполнять две из трех

названных важнейших функций: оно отбирает и воспитывает элиту лишь в отдельных вузах, точнее, на отдельных кафедрах отдельных вузов; оно все заметнее закрепляет социальную стратификацию, сложившуюся за последние десять-пятнадцать лет. Да и третья из названных функций — предоставление первичных квалификаций — выполняется лишь отчасти и далеко не всеми учебными заведениями, поскольку большинство учебных курсов все еще никоим образом не соответствует задаче подготовки молодого человека к самостоятельной работе, непрерывному самообучению и обучению, к гибкой смене специализаций в течение жизни. При большом количестве показателей рейтингования вузов именно этот ключевой показатель, в силу его сугубо качественного характера, практически не учитывается. Профессиональные сообщества, ассоциации выпускников, независимые эксперты ставят под вопрос репутацию кафедр и факультетов наиболее знаменитых университетов, и напротив — выдвигают на лидирующие позиции кафедры, факультеты и вузы, отнюдь не входящие в круг «избранных».

При этом со всей определенностью можно утверждать, что структура рынка труда в России в настоящее время и в ближайшем будущем будет не в состоянии найти применение несоразмерно большому числу выпускников вузов, что приведет к росту социальной напряженности в стране. Обманутые карьерные ожидания сотен тысяч молодых людей чреваты деструктивностью жизненных установок. Если старшее поколение, состоящее из людей, получивших высшее образование до 1992 года, с чрезвычайной болезненностью и лишь отчасти, но все же адаптировалось к изменению ситуации, то адаптация к жизненным условиям выпускников вузов первого десятилетия XXI века более проблематична. Их ожидания, разбуженные и усиленные СМИ, достаточно высоки: зондажные опросы в 15 регионах показали, что студенты старших курсов почти поголовно ориентируются на первый заработок размером не менее 12–15 тыс. рублей в месяц и на работу в среднем управленческом звене.

Ничего специфического в российской картине нет — до России просто дошла волна гонки за дипломами, которая нанесла огромный урон высшему образованию на Западе, уже в 1970-е годы разрушив традиционную модель «тьюторских» отношений между профессурой и студенчеством и не дав взамен почти ничего. Всякий, кому в последнее десятилетие доводилось преподавать в европейских или в американских вузах, знает: как бы мы ни бранили (вполне обоснованно) собственную систему вузовского образования, ее высший уровень во всяком случае лучше средневысшего уровня за рубежом.

В ходе продолжительной полемики вокруг реформы образования одно остается неизменным: сама сфера образования рассматривается преимущественно как сугубо замкнутая, отраслевая система. Сталкиваются различные, подчас несовместимые друг с другом концепции, позиции по ЕГЭ и ГИФО; наблюдается противоречие между

установкой МГУ и нескольких столичных вузов на исключительность и, в то же время, уровнем самосознания в ряде крупных региональных вузов. Тем не менее преимущественно обсуждаются лишь различные варианты эффективного управления отраслью при заданных бюджетных ограничениях. В этом подходе содержится исходная системная ошибка. Эта ошибка заключается прежде всего в том, что бюджеты всех уровней и, соответственно, федеральное министерство, министерства и департаменты в регионах реально охватывают от 10 до 15 % рынка образовательных услуг в их полном объеме¹.

Широко обсуждается вопрос несоответствия между номенклатурой дипломов, где экономисты и менеджеры представлены с неоправданной частотой, и реальным спросом со стороны производства, услуг и сферы управления. Однако сам этот вопрос ставится с позиций образовательной идеологии, безнадежно устаревшей уже к концу прошлого столетия: в центре полемики оказывается специалист, техника подготовки специалистов, качество подготовки специалистов, но не само представление о специализации. В то же время анализ практики убедительно показывает несостоятельность такой модели. Во-первых, ежегодно появляются новые специальности, и система высшего образования в принципе не в состоянии угнаться за этим процессом. Во-вторых, человек, отвечающий требованиям новейшего времени, меняет специальность каждые пять лет или чаще. В-третьих, как показывает выборочный анализ статистики карьер, успех в той или иной сфере деятельности практически не зависит от специальности, обозначенной в вузовском дипломе. Отсюда следует необходимость поставить под вопрос доктрину отечественной системы высшего образования по содержанию и организации процесса обучения и воспитания молодых людей.

Увеличившийся спрос на высшее образование, вызванный убежденностью молодых людей и их родителей в карьерной ценности диплома, привел к резкому расширению приема в вузы, а вместе с этим — и к существенному снижению требований к качеству учебного процесса, требований к студентам и преподавателям. Приходится также считаться с тем, что значительная часть студенчества сочетает теперь учебу с постоянной работой, тогда как низкие оклады преподавателей вынуждают до трети из них либо к расширенному совмещительству, либо к репетиторству. Необходимо принять во внимание и тот факт, что две трети родителей и вузовских преподавателей считают уровень подготовки абитуриентов в школе неудовлетворительным.

Выдающиеся успехи российских студентов на международных олимпиадах не дают оснований для самоуспокоенности, так как средний уровень получаемых в вузе знаний и умений отнюдь не

¹ Говоря о полном объеме, мы имеем в виду не только негосударственные учебные заведения всех уровней, но также репетиторские услуги, печатную продукцию, CD — диски, компьютерные программы, учебные игры и игрушки и пр. По мнению большинства экспертов, объем этого рынка составляет 40–50 млрд долл. против 4,8 млрд бюджетных затрат.

близок к этому высшему горизонту. Тот факт, что в вузах страны все еще можно найти выдающихся ученых, и в последние годы их число несколько выросло за счет кризиса большинства НИИ, не меняет общей ситуации отрыва высшей школы от науки и тем более от практики в ее современном формате. Хотя в вузах страны по-прежнему работают и подлинные подвижники, наблюдается изрядная деморализация педагогического корпуса, в котором распространены настроения уныния и горечи. Снижение привлекательности педагогической карьеры, в свою очередь, ведет к снижению требований к аспирантам и к уровню диссертационных исследований, что принимает угрожающий характер на фоне неуклонного старения педагогического корпуса. Средний возраст педагогов вуза сравнялся с пенсионным, и это естественным образом затрудняет какую бы то ни было модернизацию вузовской системы.

Очевидно, что в этих обстоятельствах без решительного рывка невозможно выйти на уровень требований единого европейского образовательного пространства, к чему нас обязывает как подписание Болонской конвенции, так и предстоящее вступление России в ВТО. Необходим качественно новый подход к задаче развития сферы образования, учитывающий как меняющуюся конъюнктуру на рынке труда, так и продолжающееся сокращение населения страны. Мы говорим именно о задаче развития, так как, несмотря на необходимость доработки некоторых элементов, потенциал существующей Концепции модернизации отечественного образования на период до 2010 года следует считать исчерпанным.

Неминуемое резкое сокращение числа выпускников средней школы, которое начнется с 2008 года, вызовет обострение конкуренции между вузами, включая процессы слияния и поглощения. В ряде регионов ректораты университетов, предвидя этот процесс, уже начали активно развертывать целенаправленные наступательные кампании, вовлекая в них гимназии и лицеи с целью подготовки для себя абитуриентов. В некоторых областях стали активно складываться новые ассоциации — университетские округа, в рамках которых под патронатом попечительских советов делаются попытки достичь координации работы различных вузов с их филиалами, лицеев и гимназий. УНЦ — учебно-научные центры, созданные в стране в рамках экспериментальной программы «Интеграция», — в ряде регионов привели к отладке новых моделей взаимосвязи академической науки и учебного процесса. УМО — учебно-методические объединения вузов одной или близких специализаций — оживили свою работу, стремясь выйти навстречу вызовам меняющейся обстановки.

Однако возрастной разрыв между основным составом УМО и ректоратов, с одной стороны, и младшей частью преподавательского корпуса, не говоря о студенчестве, с другой, ставит перед высшей школой качественно новые проблемы. Построение учебного и воспитательного процесса больше не может игнорировать некоторые

внешние процессы: существование вневузовских форм образования; изменение требований студентов, уже включенных в производственные процессы во время учебы, к ее содержанию и формам; наконец, быстрое, все более широкое распространение Интернета.

В складывающейся геоэкономической и геополитической ситуации перед Россией стоят по крайней мере четыре группы связанных задач, решение которых необходимо для обеспечения ее стратегической конкурентоспособности:

- во-первых, стратегическая перенастройка существующего сырьевого комплекса, с использованием таких биосферных ресурсов, как воздух, почва и чистая вода, включающая решение вопроса, что, в каких количествах и когда есть смысл добывать и использовать, а что, напротив, составляет стратегический резерв развития;
- во-вторых, новое освоение пространства России, создание необходимого для обеспечения этого процесса комплекса коммуникационных инфраструктур — как индустриального, так и постиндустриального типа, а также определение основных «опорных регионов», которые станут приоритетами политики пространственного развития на долгосрочную перспективу;
- в-третьих, инновационный шаг развития социальной системы, опирающийся не только на коммерциализацию и внедрение научных и проектных разработок советской эпохи, но и на восстановление творческой подсистемы национальной инновационной инфраструктуры, способной обеспечить синтез прорывной науки с инновационным образованием и подготовкой кадров;

* в-четвертых, воссоздание единства образования и воспитания с целью сохранения культурной идентичности российского гражданина в условиях мощного нажима американизированной массовой культуры, с одной стороны, и нарастающего давления мусульманского фундаментализма — с другой.

Другими словами, мы должны с самого начала проектировать и осуществлять реформу сферы образования и подготовки кадров как краеугольный элемент будущей национальной инновационной системы, в которой главным звеном становится человеческий капитал.

Принимая во внимание глубину разрыва между системой образования, унаследованной от индустриальной эпохи, и объемом задачи построения национальной инновационной системы, мы вынуждены подходить к проблеме, так сказать, сверху вниз. При любом количестве усилий, при любых вариантах реорганизации невозможно радикально повысить качество высшего, среднего специального и среднего образования без подготовки кадрового преподавательского корпуса, способного осуществить такое повышение.

Это фактически означает, что подлинный успех реформирования образования будет определяться теми результатами, которые

будут создавать школа, вуз, система СМИ, дополнительное и дистантное образование завтрашнего дня. Теми способами и инструментами мышления, которые усвоят наши сегодняшние учащиеся и которые будут обеспечивать их трудовую деятельность через 10-15 лет. Тем, окажутся ли они в результате обучения и подготовки способными производить и использовать новые технические и управленческие решения.

В предложенном пакете реформ, к сожалению, этот аспект проблемы практически не разработан. Реформа не ставит во главу угла превращение существующей системы образования в важнейшую инфраструктуру инновационного развития, в лучшем случае упоминая об этом в скупых словах. Реформа практически не затрагивает вопросы изменения содержания обучения, образования и подготовки. Перед нами все те же комплексы не столько знаний и умений, необходимых для обеспечения деятельности в ближайшем будущем, сколько «сведений», упакованных в стандартные пакеты. В качестве стандартов предложено не то, что нужно, а то, что сегодня может предоставить существующая система образовательных учреждений и педагогический корпус. В полемике по поводу ЕГЭ обсуждается все что угодно, кроме основного: недостатки экзаменов обнажили сущностную порочность построения множества учебных предметов. Так, ЕГЭ по русскому языку и литературе справедливо критиковали за переусложненные и отчасти сомнительные грамматические конструкции — но при этом стало ясно, что структура преподавания литературы никак не соотносена с современным типом восприятия текстов. Тесты по биологии обнажили чудовищную перегруженность курса детальными, разрозненными сведениями, учитывая, что восприятие целостности и ценности живого ослаблено, и т. д.

Все то же господство вербальных форм обучения. Все та же установка на лекционные часы, даже если пересчитать их в так называемые кредиты по европейскому стандарту. Это явный анахронизм по отношению к технологиям, развитым во второй половине XX века в мире и у нас в стране. Сохраняя фактически без изменения содержание и методы обучения и подготовки, невозможно достичь иных целей, чем те, которые обеспечивает сегодня средний уровень наших школ и вузов!

Осуществление социальных и экономических реформ в нашей стране со все большей очевидностью тормозится несоответствием знаний, умений и мировоззрения людей масштабу задач, стоящих перед страной. Главным вызовом системе образования в этих условиях становится ее способность осуществлять ключевые миссии, определенные в международном поле дискуссий с достаточной прозрачностью:

- научить знать, т. е. научить узнавать;
- научить основам общежития, т. е. правилам сосуществования и сотрудничества;

- научить действовать, т. е. осваивать умения;
- научить осознавать себя, т. е. научить выработке мировоззрения.

Чрезвычайная сложность реализации ключевых миссий образования связана с тем, что в рамках действующей доктрины и действующего законодательства задачи воспитания почти полностью возложены на семью, которая переживает сейчас глубокий кризис и в большинстве случаев не способна решать эти задачи. Агрессивный напор СМИ, через великое множество «игр» культивирующих успех любой ценой, усугубляет этот кризис. И все же только с учетом ключевых миссий образования необходимо оценить все предложенные проекты и законопроекты с точки зрения того, какой вклад они внесут в решение сегодняшних задач.

Не хочу развивать описание нынешнего состояния и его предыстории — это было подробно сделано в докладе, опубликованном в декабре 2004 года фондом «Наследие Евразии», что позволяет перейти прямо к нормативной модели, принимающей во внимание результаты обследования двух дюжин университетов страны.

Тот факт, что в сфере науки сегодня сохранилось меньше трети кадрового потенциала исследователей, сам по себе не означает неоправданного снижения ее качества, поскольку кадры НИИ были неоправданно раздуты, и, по общему мнению экспертов, не более трети научных сотрудников обеспечивали реальное осуществление исследований. Однако произошло и качественное вымывание кадрового потенциала науки в специальных научных учреждениях. Поэтому система высшего образования становится сегодня единственным институтом, реально способным обеспечить расширенное воспроизводство научной элиты. Вызов заключается в том, что высшее образование к этому в целом не готово, за исключением нескольких учебно-научных центров (УНЦ), о чем, в частности, свидетельствует ничтожная средняя норма выработки по НИОКР на университетского преподавателя.

Перед системой образования возник и качественно новый вызов — использовать «болонский формат» для радикальной реорганизации модели среднего специального и высшего образования в стране. Способность ныне существующей системы осуществить такую реорганизацию пока еще под вопросом.

Сложность вызова, специфическая сложность реализации «внешних» требований заключается прежде всего в том, что радикальное реформирование должны осуществлять по преимуществу те, кто в наименьшей степени готов признать неадекватность советского наследия в новой ситуации. Если редуцировать официальную позицию Российского союза ректоров до основного ее содержания, то его можно без искажения сути определить следующим образом: дайте нам больше бюджетных средств, больше самостоятельности, но кроме этого ничего менять не следует.

Следует заметить, что попытки нормативно описать требования к так называемому специалисту в логике самих вузов или ми-

нистерства малопродуктивны, в основном закрепляя в стандарте вчерашний день. Вместе с тем попытки апеллировать к представлениям прямых потребителей в сфере бизнеса и управления (государственного или муниципального) звучат привлекательно, но реальных перспектив не имеют. Профессионализация бизнеса — процесс, весьма далекий от завершения; реформа государственной и муниципальной службы практически еще не началась, так что опросы или иные формы выяснения представлений потребителя о том, каким должен быть выпускник вуза, будь то бакалавр или тем более магистр, еще длительное время не будут в состоянии дать сколько-нибудь надежные результаты.

В связи с этим только установка на воспитание гибкости освоения знаний и умений, на вхождение в практику уже в процессе обучения, на способность к эффективной социализации в меняющихся условиях может обеспечить необходимый результат.

Следует к тому же заметить, что случаи критического отношения к собственным интеллектуальным ресурсам отмечены в вузах редко — при доверительных интервью с руководителями среднего звена и педагогами, за рамками формализованного опроса.

84 % ректоров и 65 % преподавателей считают, что учебной литературы достаточно. Обеспеченность компьютерами устраивает 79 % ректоров и 64 % преподавателей. 76 % ректоров считают, что в их вузах нет проблем с доступом в Интернет, но их мнение разделяют только 43 % преподавателей и менее трети студентов. С учебным оборудованием, с точки зрения 80 % среднего преподавательского состава, дело обстоит совсем плохо — но 75 % ректоров считают, что с оборудованием нет существенных проблем.

Пора, наконец, осознать, что со времени публикации «Великой дидактики» Яна Амоса Коменского прошло 367 лет, что за последние годы относительной свободы поиска в дидактике накоплен немалый опыт — как в государственных, так и в коммерческих вузах, что весьма значительное число новых специалистов, успешно работающих в новых сферах деятельности, каким-то образом обучились вне какой бы то ни было связи с традиционным образованием.

Все эти соображения заставляют настаивать на нескольких простых тезисах¹.

Тезис первый, наиболее элементарный: лекционная модель передачи знаний утратила всякий смысл. Независимо от доступности печатных книг, информационный ресурс, уже содержащийся в Интернете, во много раз перекрывает возможности среднего по классу лектора, обеспечивая к тому же самостоятельный поиск источников и работу с перекрестными ссылками. Другой вопрос, что существует острая необходимость в авторских, гостевых лекциях, в которых лектор предьявляет свой совокупный опыт в решении тех

¹ Автор опирается на собственный опыт преподавания в архитектурном институте, с большей или меньшей успешностью сочетающем техническое и гуманитарно-художественное образование.

ключевых проблем, над которыми бьется он сам и его коллеги — в России и в мире.

Это, в свою очередь, тянет за собой второй тезис: обмен гест-профессорами должен стать сущностью деятельности вузов, тем более что столкновение с новой аудиторией всегда дает шанс следующего важного шага в собственной работе педагога-исследователя.

Тезис третий: семинарские занятия эффективны лишь в тех случаях, когда младшие студенты вовлечены в серьезный самостоятельный поиск, а старшекурсники и аспиранты — в ответственную педагогическую практику.

Тезис четвертый: фигура «чистого» педагога никогда или почти никогда не была идеалом; гораздо большую ценность для студента имеет контакт с педагогом, который одновременно погружен в исследовательскую и/или проектную деятельность, обладая при этом минимальными педагогическими навыками. Отсюда следует, что по меньшей мере треть педагогов должна быть «внешней», и унаследованное от советской эпохи слово «совместительство» должно быть вычеркнуто из лексикона. Совершенно очевидно, что в этом случае весь вздор с нормированием непристойной почасовой оплаты должен быть отменен раз и навсегда, и свободное состязание вузов за лучших «внешних» преподавателей должно получить адекватное денежное выражение.

Тезис пятый: по той же причине всякий «свой» преподаватель должен заниматься практической работой, без чего его дисквалификация происходит с пугающей быстротой. Следовательно, уже только поэтому вуз не может существовать как островная система и должен наращивать (самостоятельно или в кооперации с другими вузами) проектный, исследовательский или экспериментально-внедренческий центр, работающий по контракту с частными, муниципальными или государственными клиентами.

Тезис шестой: вряд ли можно счесть нормальной ситуацию, когда в городе и губернии есть крупный университет, а власти и бизнес испытывают острейший дефицит знаний о городе, о территории, о хозяйственном комплексе¹. Именно в решении социальных, экологических, жилищно-коммунальных и прочих проблем крупных городов кратчайший путь к становлению позиции университета как серьезного политического игрока.

Тезис седьмой: странная конструкция под названием УМО является вопиющим анахронизмом — обретая самостоятельность, вуз или университетский комплекс в состоянии разрабатывать и внедрять собственные системы методического контроля. Как только удастся перейти от стандартизации учебных программ — что

¹ В рамках деятельности Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа автор, при поддержке властей, провел в Ижевске (2003) и Нижнем Новгороде (2004) конкурсы студенческих курсовых работ по актуальным проблемам развития городов. В этот процесс естественным образом оказались втянуты научные руководители студентов. В результате администрации осознали, что университеты могут реально быть их стратегическими партнерами.

есть нонсенс с концом монопольной идеологии — к стандарту компетентности, легализация давно уже вполне самостоятельных схем организации педагогического процесса станет, наконец, возможной. То же, разумеется, относится к советам по присуждению степеней: только при перекрестном рецензировании, при формировании совместных советов нескольких вузов можно достичь хотя бы относительной объективности оценки выполняемых работ.

В вышеперечисленном нет и следа новизны: во-первых, все это отлично известно всем, кто занимается педагогикой всерьез; во-вторых, элементы реализации обозначенных тезисов фиксируются повсеместно. Весь вопрос в том, чтобы преодолеть консервативность ректоратов, давно и неоправданно совместивших в себе функции руководства учебным процессом, функции хозяйственного ведения и функции все еще в большинстве случаев отсутствующих попечительских советов. Есть основания полагать, что изнутри единичного вуза задача не решается в обозримом будущем — следовательно, нужен толчок извне. Основания для этого толчка уже понятны — с 2008 года сокращение числа выпускников школ будет столь значительным, что перекрыть его дополнительными образовательными услугами для взрослых окажется невозможно. Соответственно, чтобы выжить, вузам придется ассоциироваться и объединяться. Скорее всего, таким объединяющим началом может стать формирование университетских округов, каждый из которых сможет охватить от 30 до 50 тыс. студентов и от трех до пяти тыс. преподавателей при достаточно развитых внедренческих структурах. На такую задачу начальные средства госбюджета найдутся, дальнейшее же укрепление базы произойдет только при установлении крепких связей с муниципальным заказчиком и с бизнесом, в чем ключевая роль принадлежит ассоциациям выпускников.

Еще раз подчеркнем: в нашем распоряжении всего несколько лет, пока еще дееспособно поколение педагогов, окончивших вузы в 1960-е годы. Это поколение не стоит идеализировать: нас учили не очень хорошо, обременяя кучей ненужного вздора, у нас был минимальный доступ к информации, а наши педагоги были приучены бояться всякого вольного слова. Но мы несем некоторый дар общей культуры, который нам передали эти педагоги, сохранив его несмотря ни на что.